

НАТАЛЬЯ ФЕДЧЕНКО

НЕ ВЕРЬ НАПИСАННОМУ...

О содержании современных школьных программ по литературе

Спор о содержании школьных программ по литературе начался далеко не сегодня. Проблема преподавания предмета затрагивалась в целом ряде статей и выступлений, в частности, в работах Ирины Стрелковой, публиковавшихся в журналах “Наш современник” и “Русский дом”. Названия статей показательны: “Удар по русской школе” (“Русский дом”, 2001, № 2), “Страсти по классике” (“Наш современник”, 1994, № 3) и “Страсти по классике. Десять лет спустя” (“Наш современник”, 2004, № 6), “Русская школа: что впереди? Повторение пройденного” (“Наш современник”, 2002, № 1). Именно тогда уже было сказано о перестановке имен “в иерархии русской культуры”, о том, что “идет не деидеологизация, а внедрение “новой” идеологии”, что “сравнительное, компаративистское построение курса литературы... разрушает у школьников образ родной русской литературы” (И. Стрелкова Русская школа – что впереди? http://www.netda.ru/newpublicist/strelkova/strelkova_a.htm). Совсем недавно к этой проблеме обратился Валентин Осипов (“Методика антилитературы”. – “Наш современник”, 2009, № 8).

Сегодняшняя ситуация с преподаванием литературы в школе не только не лучше, но, пожалуй, еще безрадостней, нежели несколько лет назад. Ответ на вопрос “чему учат в школе” звучит поистине пугающе.

В полной мере подтверждаются слова о внедрении “новой” идеологии. Для нее характерно неверие в национальную культурную самобытность и неприятие отечественной истории; отношение к народу как к материалу, используя который можно осуществить любые идеи; отказ от исконных традиций в угоду традициям инородным. Сказанное касается всего школьного курса литературы, так как лежит в основе самого принципа подбора произведений.

Основные программы, по которым работает большинство школ – это программы под редакцией Т. Ф. Курдюмовой и В. Я. Коровиной. Кроме того, обучение ведется по программам под редакцией А. Г. Кутузова и В. Г. Маранцмана. Менее распространены, но также “допущены Министерством образования и науки Российской Федерации” или выпущены под грифом Минобразования РФ программа Б. А. Ланина и Л. Ю. Устиновой, а также программа под редакцией Г. И. Беленького и Ю. И. Лысого. “Исправляясь и дополняясь”, но не меняясь по сути, все эти программы расходятся по школам, определяя содержание сегодняшнего образования. И это на фоне того, что ли-

тература – предмет, некогда бывший одним из основных в школе, – ныне уверенно скатывается к статусу факультатива.

Из программ незаметно изымается детская литература. Происходит ее подмена адаптированной “взрослой”, упрощенно трактуются серьезные произведения.

Так, в программе под редакцией Т. Ф. Курдюмовой в 5-м классе предлагается познакомиться не только с отрывком из романа Л. Толстого “Война и мир”, но и с соответствующим фрагментом инсценировки эпопеи М. Булгаковым. В 6-м классе изучается фрагмент романа Ф. Достоевского “Братья Карамазовы” “Мальчики”. В программе под редакцией А. Г. Кутузова в 6-м классе значится “Гаргантюа и Пантагрюэль” Ф. Рабле – правда, с оговоркой: “в пересказе для детей Н. Заболоцкого”, – но и с таким комментарием: “Утверждение красоты, многообразия и полноты жизни. Гуманистическое звучание романа”.

В программе под редакцией В. Г. Маранцмана пятиклассникам предстоит изучить – цитирую – “А. С. Пушкин “Евгений Онегин” гл. IV, строфа XL... гл. IV, строфы XLI, XLII, гл. VII, строфы XXIX, XXX... гл. VII, строфа I “... Зачем нужно такое отрывочное знакомство с романом, не лучше ли полноценно и вдумчиво прочесть великое пушкинское творение в более старшем возрасте?

Произошло значительное увеличение объема произведений зарубежной литературы по сравнению с вариантами программ прошлых лет. При этом подбор произведений, предлагаемых для школьного изучения, трудно объяснить, если не сказать более. Так ли важно для формирования личности ребенка знакомство восьмиклассников (согласно программе под редакцией Т. Ф. Курдюмовой) и шестиклассников (программа под редакцией А. Г. Кутузова) с “авантюрно-историческим” романом А. Дюма “Три мушкетера”? Чем, по мнению составителей, могут обогатить внутренний мир ребенка новеллы А. Конан Дойла “Пляшущие человечки” – в программе под редакцией Т. Ф. Курдюмовой для семиклассников и сразу три произведения писателя: “Шесть Наполеонов”, “Голубой карбункул”, “Пестрая лента” – в программе под редакцией А. Г. Кутузова для 5-го класса? С какой целью в программу вводится “Падение дома Ашеров” Э. По (8 класс) – программа под редакцией В. Г. Маранцмана?

Некоторые задания и вопросы, предлагаемые ученикам в программе Маранцмана, ничего, кроме недоумения, не вызывают. Такова дискуссия на тему “В чем вы видите разницу поступков отцов и сыновей в повести Гоголя и новелле Мериме?” – “в результате дискуссии ученики приходят к выводу о том, что Андрей оказывается в стане поляков из-за неприятия жестоких законов Сечи...” (7 класс). Урок, основанный на сопоставлении “жизни Робинзона на острове и жизни участников телепередачи “Последний герой”: сходство и различия. Кому было тяжелее?” (6 класс).

Вопреки логике, для школьного изучения отобраны далеко не лучшие образцы западной литературы. Программа под редакцией Т. Ф. Курдюмовой обращается к таким “вершинам” мировой классики: 5 класс – Дж. Р. Р. Толкин “Хоббит, или Туда и обратно” (с программной формулировкой: “Джон Роналд Руэл Толкин – один из самых читаемых в мире авторов второй половины XX века”), Т. Янссон “Последний в мире дракон”; 6 класс – О. Уайльд “Кентервильское привидение”; 7 класс – Р. Шекли “Запах мысли”. Программа под редакцией А. Г. Кутузова в разделе “Советы библиотеки” (иными словами, перечень произведений для самостоятельного чтения) называет “Кошку, которая бродила, где вздумается, и гуляла сама по себе” Р. Киплинга, “Соловья и розу” О. Уайльда, а также Г. Мало “Без семьи”, П. Гэллик “Томасина”, Ф. Б. Гарт “Подопечные мисс Пегги”, Г. Хаггарт “Хозяйка Блосхолма”, вновь следуют Дж. Р. Р. Толкин “Хоббит, или Туда и обратно” и Т. Янссон с “Муми-троллем” – все это предлагается для знакомства 5-го класса.

А вот один из “Лимериков” Э. Лира, изучаемых в 5-м классе согласно программе под редакцией В. Г. Маранцмана (беру наугад не из школьной хрестоматии, а просто из сборника, предполагая, что все лимерики должны быть равновеликого достоинства): “Не любили барона девицы, // И от горя решил он не бриться... // В бороде у барона // Поселились вороны, // Гуси, утки и прочие птицы”. Или другой, исполненный, как видно, столь любимой нынче толерантности: “Проживал некий парень в Баку, // Не любил он лежать на боку: // Бегал он как шальной // В платье бабки родной – //

В том, которое шло пареньку”. (А ведь детям предлагается еще и “освоить технику написания” лимерика. . .)

Да и другие произведения из приведенного перечня вовсе не столь безобидны. Например, “Томасина” Пола Гэллико – это не только рассказ об умерщвленной кошке (с попутно сообщаемыми 10-летним детям “откровениями”: “Старые псы и старые люди должны умирать”), но и религиозный спор о существовании Бога между атеистом ветеринаром и отнюдь не православным священником.

Формальный подсчет – неблагодарное занятие, но порой он позволяет сделать поразительные наблюдения. Так, в программе под редакцией А. Г. Кутузова (5 класс) на 16 отечественных сказок (как народных, так и авторских) приходится 10 зарубежных. А ведь сказка – это не просто волшебный сюжет, но и запечатленное мировидение народа.

Более приемлемый принцип подачи материала, как представляется, присутствует в программе под редакцией В. Я. Коровиной.

Знакомство с литературой здесь также начинается с произведений устного народного творчества, но фольклор представлен в лучшем варианте: есть обращение к детскому фольклору, анализируются разные типы русских народных сказок, национальное не подавляется западным мифологическим мышлением. Потому органично в курс пятого класса вписываются авторские сказки (В. Жуковский, А. Пушкин, А. Погорельский), сказ П. Бажова. В 6-м классе обрядовый фольклор обращает учащихся к годовому циклу жизни славянина, а пословицы, поговорки и загадки представляют стихию народной речи. В 7-м классе центральными в знакомстве с устным народным творчеством становятся былины, в 8-м классе – народные песни, частушки и предания. К тому же в программе каждого класса соблюдается принцип движения от языческого к христианскому сознанию: за устным народным творчеством следует житийная или поучительная литература.

Однако этот момент – введение в школьный курс евангельских сюжетов и духовной литературы – является еще одним камнем преткновения. От заявленного в перестроечном запале знакомства с Библией и, в том числе, с Евангелием составители программ отказываются, зато торжествует мифологическое языческое сознание, и это – одна из самых значительных потерь современного преподавания литературы.

Признавая русский фольклор уникальным источником, питавшим и питающим по сей день отечественную литературу, мы вряд ли сможем принять его за источник исключительный и единственный. Коль скоро программы обращаются к устному народному творчеству, от самих истоков прослеживая формирование национального художественного мировосприятия, то почему они пропускают момент появления христианского самосознания народа, почему нарушается логика “взросления” человека (сходная с взрослением всего человечества), когда от языческих сказок он переходит к более серьезному – православному, взгляду на мир? Разумеется, евангельские тексты нельзя признать собственно художественным явлением, но ведь никто не отменял толкование Библии не только как исторического, законодательного, но и культурного памятника. Смею утверждать, что дальнейшее знакомство с творчеством Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Достоевского без знания хотя бы основ русской православной культуры попросту невозможно.

При внимательном рассмотрении программ становится очевидным, что принцип включения в них тех или иных произведений, характер их сочетания друг с другом порой абсолютно произвольны и зачастую продиктованы только критерием составителей “нравится – не нравится”.

В программе под редакцией В. Г. Маранцмана изучение рассказов и повестей XIX–XX века перемежается знакомством с русскими народными сказками (5 класс), мифами Древней Греции, героическим эпосом народов мира и русского народа (6 класс), народными песнями (7 класс). Знакомство с библейскими сказаниями “Иосиф и его братья” или “Давид и Голиаф” (по выбору учителя) в 6-м классе идет в едином контексте с мифами и героическим народным эпосом. В 7-м классе Нагорная проповедь (Евангелие от Матфея) соседствует не только с “Поучением Владимира Мономаха”, но и с “Одиссеей” Гомера, хокку М. Басе, сонетами У. Шекспира. В 8-м классе изучение “Жития Петра и Февронии” (или, на выбор – “Жития Сергия Радонежского”) предваряется “жизнеописаниями” Плутарха и стихотворениями Ли Бо, а после жи-

тийных повестей изучается “Дон Кихот” М. Сервантеса. В 9-м классе положение сходное: возвращается фольклор, а “Житие протопопа Аввакума...” идет в одном ряду с сонетами Ф. Петрарки и “Гамлетом” У. Шекспира. Таким образом, произведения литературы становятся явлениями исключительно эстетического, но не духовного порядка, уравниваются мифологический и монотеистический типы сознания.

... По какой-то неведомой причине одним из ведущих, самых популярных у составителей программ русским писателем стал В. Набоков. В этом нас убеждает то, с какой частотой обращаются к его творчеству составители программ. В программе под редакцией В. Г. Маранцмана с данным автором учащиеся встречаются в 5-м, 6-м, 8-м и в блоке профильного уровня 11-го класса.

В 5-м классе ученики знакомятся со стихотворениями Набокова “Лестница”, “Бабочка” (которое, согласно программе, сопоставляется с одноименным стихотворением А. Фета, причем стихотворение XIX века почему-то стало “возможным ответом на обращение Набокова к бабочке”). В 6-м классе исследуется рассказ Набокова “Обида”. В 8-м классе составитель программы обращает нас к проблематике новеллы Набокова “Пильграм” с ответом на “проблемный вопрос” о “неважности смерти” Пильграма, а также в рамках внеклассного чтения – к произведению “Terra incognita”.

В 11-м классе учащимся предстоит познакомиться с философскими романами писателя “Другие берега” и “Дар”.

Сходная картина и в программе под редакцией Т. Ф. Курдюмовой. В 5-м классе наряду с “Алисой в стране чудес” Л. Кэрролла ученики должны прочесть перевод-обработку этой сказки Набоковым – “Аня в стране чудес”. И также вызывает недоумение вопрос, каким образом учащиеся 5-го класса смогут провести сопоставительный анализ двух столь непростых произведений, а главное – зачем им нужно это делать, какая воспитательная цель может быть заложена в этом процессе.

В 9-м классе изучаются произведения “Рождество”, “Сказка”. В 11-м классе такие писатели первой волны эмиграции, как И. Шмелев, А. Ремизов, Б. Зайцев и др., даются обзорно, “в скобках”, монографически же в программе представлено только творчество Набокова. Здесь и “Другие берега”, и “Дар”, и “Защита Лужина”, и “Машенька”, указаны “романы на английском языке”: “Лолита”, “Пнин”, “Бледный огонь”... Кто еще из русских писателей удостоен столь полного освещения творчества?

Попытка отойти от извращенного преподнесения литературы видится в программе под редакцией Ю. В. Лебедева (авторы – Ю. В. Лебедев, А. Н. Романова), выпущенной в свет в 2009 году издательством “Просвещение”. В блоке 5-го класса подбор и порядок произведений и впрямь продуман и логичен. За русскими народными сказками, представленными в традиционной классификации (волшебные, о животных, социально-бытовые) следуют литературные сказки – от русских писателей к зарубежным. И несмотря на то, что составителям не удалось избежать традиционных хоббитов Д. Толкина, а в разделе “Между сказкой и былью” – “Алисы...” Л. Кэрролла и “нетрадиционных”, но столь же ненужных для духовного здоровья ребенка “Хроник Нарнии” К. Льюиса (все это предлагается как произведения для самостоятельного чтения), все же звучат в программе имена С. Т. Аксакова, П. П. Ершова, А. А. Погорельского, П. П. Бажова (акцентирую внимание на, как правило, “забываемых” составителями школьных программ авторах).

Есть здесь и знакомство с евангельским сюжетом, после которого подобраны произведения, отражающие мир детства (отрадно обращение к отрывкам “Лета Господня” И. Шмелева, причем чувствуется неслучайность выбора глав “Чистый понедельник”, “Пасха”, “Разговины”, которые, согласно тематическому планированию, будут изучаться весной, не исключено, что именно в пасхальные дни). И это настроение пробуждающейся жизни, духовной радости закреплено последним разделом блока – подборкой поэзии и прозаических миниатюр, обращенных к красоте полной природы.

Канула в небытие советская литература (куда уж тут до споров о включении-невключении в программу Н. Островского!), чтобы возродиться то ли военной поэзией и прозой, то ли лагерной (трудно уследить за логикой авторов). При том, как и в “лучшие” советские годы, у нас вновь нет литературы русского Зарубежья.

За шесть часов обзорно “пробегаются” шолоховский “Тихий Дон”, и при этом на час больше времени отведено на творчество Б. Пастернака, в том числе на его приписанный к классике роман с неясными для учеников национально-классовыми коллизиями. В конце XX века из отечественной словесности вместе с обзорами исчезла и деревенская проза, отсутствуют в программе имена В. Белова и В. Астафьева.

И сказанное можно считать только небольшим замечанием по вопросу преподавания в школе современной литературы, то есть – литературы XX века. Претензии к другим программам значительно более весомые. Если XVIII–XIX век традиционен в своем “списке литературы” и там не пытаются заменить Пушкина Кукольниковом, то советско-постсоветская реальность становится благоприятным полем для произрастания самых чудесных фантазий.

“Находки” в каждом издании свои, но, пожалуй, самой одиозной можно назвать программу под редакцией В. Г. Маранцмана.

Стремясь отразить и представить школьникам современный литературный процесс, составитель, вероятно, менее всего беспокоился об объективности и даже элементарной правдивости. Так, “литература периода “оттепели” (так у автора), охватывающая время с 1953 по 1968 год, не представлена ни творчеством В. Белова, написавшего уже в 60-е годы произведения, которые открывали новую страницу современной отечественной словесности, ни лирикой Н. Рубцова, выпустившего первый сборник стихов в 1965 году, а спустя два года опубликовавшего “Звезду полей”. У школьников формируется представление, что в указанные годы наша литература состояла из творений Б. Окуджавы и А. Вознесенского, В. Тендрякова и Д. Гранина, а культурный “фон” задавали режиссерские “нетленки” Э. Рязанова и драматургические “шедевры” Э. Радзинского.

В разделе “70-е – первая половина 80-х годов” определяющие вектор развития русской литературы произведения В. Белова и В. Распутина вынесены в раздел “деревенская проза”, стоящий в одном ряду не только с “интеллектуальной прозой”, но и с “литературой “эстетического андерграунда” и даже фантастикой братьев Стругацких. Ничем иным, как идейным лукавством, не назовешь определение “тихой лирики” через противопоставление “темам, идеям, поэтике “громкой лирики” “шестидесятников”. И трудно сказать, то ли духовной (бездуховной?) зашоренностью, то ли желанием намеренно сместить акценты в трактовке литературы объясняется истолкование творчества В. Высоцкого и А. Галича как “голоса и совести эпохи”.

Кто же из авторов 40–90-х годов достается монографического изучения? Это неизменный В. Набоков, которому, в отличие от того же А. Платонова или А. Вампилова, уделяется 5 часов программного времени.

“Получил право” на представление своего жизненного пути “поэта и “бомжа” Вен. Ерофеев; затем учащимся должен быть составлен “альбом любимых песен” Окуджавы (оставляем без внимания грамматическую двусмысленность, не позволяющую разобраться, кто же должен любить эти песни: учащиеся или сам Окуджава). Современная поэзия представлена только И. Бродским, современная проза – “сердечными повестями В. Токаревой”, “детективными фантазиями Б. Акунина”, “грустными сатирами М. Жванецкого”. И вновь анекдотичные формулировки предлагаемых для изучения тем пугают необходимостью их серьезного восприятия. Бродского нам предлагают считать “последним из значительных поэтов XX века”, в “творениях” Жванецкого – искать “временное и вечное” (в качестве материала для самостоятельного исследования учащихся указана, в числе прочих, сатира “Собрание на ликеро-водочном заводе”), а у автора псевдолитературных поделок Б. Акунина – “своеобразие художественного мира”.

Программа под редакцией Т. Ф. Курдюмовой также вызывает вопросы. Русская литература 50–90-х годов XX века представлена именами А. Твардовского, И. Бродского, А. Солженицына, Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Распутина (принцип подбора авторов – необъясним); рассмотрение современной литературы завершается постмодернизмом. “Толстые” литературные журналы представлены на редкость выборочно – “Новым миром” и “Октябрем” (как видится, и “Наш современник”, и “Москву”, и, на худой конец, “Юность” следует искать в слове “др.”).

В программе под редакцией В. Ф. Чертова в обзор “ушли” В. Распутин, В. Астафьев, Н. Рубцов, зато монографически изучается И. Бродский.

Еще более произвольна, вплоть до откровенной вкусовщины, программа Б. А. Ланина и Л. Ю. Устиновой. Литературный процесс второй половины XX века обозначен “художественными поисками поэтов” Б. Пастернака, А. Твардовского, И. Бродского. Литература “оттепели” – “возникновением” прозы А. Гладилина, В. Войновича, В. Аксенова. Крайне тенденциозен подбор тем для монографического изучения. Значительным представляется авторам программы творчество А. Солженицына (с чем не спорю), В. Шаламова, Ф. Искандера, Ю. Рытхэу, зато обзорно (напомню, по меркам школьной программы – на 1–2 уроках) изучаются В. Шукшин, В. Распутин, В. Белов, Ф. Абрамов, В. Астафьев, как и Н. Рубцов и А. Вампилов. Завершает список современной литературы ряд таких “именитых” авторов, как В. Сорокин, В. Пелевин, С. Гандлевский, Б. Акунин, В. Золотуха, а вслед за ними – Д. Быков, М. Веллер, А. Геласимов, Л. Улицкая и некто А. Эппель...

И под конец коренной недостаток рассматриваемых программ – они не имеют своей целью сформировать у детей представление о русской литературе как хранительнице нравственного идеала и воплощении эстетического совершенства, как об одной из самых великих мировых литератур и, что не менее, а может быть, и более важно – как о **родной** литературе, как о нашей национальной памяти, нашем духовном достоянии.

Когда-то Игорь Тальков спел о том, что “солнце... чтобы снова родиться, спешит на восток”. И с этим ничего нельзя поделать, уважаемые господа создатели программ. Как и с тем, что наша отечественная словесность, как и любое истинно национальное явление, развивается по своим законам, что она имеет своим истоком евангельский свет, а в основании ее лежит патристическое начало, любовь к своей земле и своему народу, глубинное семейное чувство, нравственная чистота, совесть и духовность. Так было и будет впредь.

А все остальное – только чудится, мерещится, блазнится...